

Социальное поведение помещиков по отношению к крепостным
в 1830–1850-х гг. (на примере Казанской губернии)

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена изучению социального поведения дворян Казанской губернии в 30-50-х гг. XIX в. по отношению к крестьянам и дворовым людям. Автор рассматривает жалобы крепостных на своих владельцев, порядок расследования таких дел и решения, принимаемые по ним. В статье показана роль уездных предводителей дворянства в разрешении конфликтных ситуаций, возникавших между помещиком и крепостными. Кроме того, изучен такой способ наказания злоупотребивших помещичьей властью, как передача имения под опекуное управление. Анализируются примеры снисходительного отношения отдельных представителей властных органов к притеснению крепостных.

Ключевые слова: Казанская губерния, XIX век, злоупотребление помещичьей властью, крепостные, дворовые люди, казанский военный губернатор, уездный предводитель дворянства, опека.

Для цитирования: Миронова Е.В. Социальное поведение помещиков по отношению к крепостным в 1830–1850-х гг. (на примере Казанской губернии) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №3. С. 62–68.

Тема злоупотребления помещичьей властью привлекала внимание исследователей неоднократно и рассматривалась как в монографиях по истории крепостного права [18, с. 245–255], так и в специальных трудах, авторы которых, анализируя отдельные примеры жестокого обращения дворян с крепостными крестьянами и дворовыми, показывали позицию общества и власти в данном вопросе [13]. Отдельные сюжеты, связанные с поведением казанских помещиков по отношению к крепостным, также нашли отражение в литературе. Особого внимания заслуживает монография Г.Н. Вульфсона «Жаждали воли» [1], в которой представлены факты изуверства некоторых помещиков накануне отмены крепостного права [1, с. 23–24].

Архивные дела, связанные со злоупотреблением помещичьей властью дворянами Казанской губернии, не являются редкостью. Чаще всего такие дела можно обнаружить в фонде казанского губернатора Государственного архива Республики Татарстан. В редких случаях они становились предметом судебного разбирательства. Объяснялось это спецификой рассмотрения жалоб крепостных и дворовых на своих господ, а также отношением общества к притеснению крестьян. Последние могли

жаловаться на чрезмерные работы, безмерные сборы, суровые и несправедливые наказания, насилие, малый земельный надел, недостаточное питание, отсутствие необходимой одежды. Кроме того, превышением власти помещиков по закону считалось принуждение к браку или к пострижению в монашество [16].

Позднее, в 1832 г., «министр внутренних дел инструктировал московского губернского предводителя дворянства внимательно наблюдать за дворянами, подозреваемыми в жестокости» [14, с.301]. Данное предписание, по всей видимости, распространилось и на провинцию. Местные предводители дворянства старались своими силами разрешить конфликтные ситуации между помещиками и крестьянами, без привлечения полиции, а действуя лишь убеждением. Так, в 1836 г. дворовый человек Михаил Львов пожаловался казанскому военному губернатору С.С. Стрекалову на притеснения со стороны своего владельца полковника и кавалера Александра Ивановича Панаева. В частности, крепостной подробно описывал скудное питание, отсутствие жалованья, теплой одежды, что вынуждало его просить милостыню, чтобы хоть как-то выжить, кроме того, помещик заставлял выполнять малярные работы, к которым у дворового и его семьи не было специальных навыков, за что те подвергались жестоким наказаниям, а скотник в имении Панаева Михаил Александров, не имея больше сил терпеть лишения, пытался покончить жизнь самоубийством. Лаишевский уездный предводитель дворянства Григорий Дембровский, обнаружив справедливость этих жалоб, провел с Панаевым беседу, описав ему возможные последствия в соответствии с законодательством. Помещик поклялся перед образом, что не допустит впредь притеснений, а дворовые обещались слушаться своего господина. Однако конфликт исчерпан не был, и от самого Панаева так же стали поступать жалобы на непокорность крепостных. Тем не менее, Дембровский просил дворянина действовать согласно закону, не допуская угнетенного и тягостного состояния крестьян [3, л.13]. Отметим, что А.И. Панаев и сам служил лаишевским уездным предводителем дворянства с 1832 г. Вероятно, по этой причине крепостные не осмеливались жаловаться на него. Однако, как только он ушел с этого поста в начале 1836 г., крестьяне подали жалобы.

Такая практика, когда губернаторские власти и предводители дворянства ограничивались внушениями, сохранялась вплоть до отмены крепостного права. Так, находившаяся в услужении помещика Бруевича дворовая девка Павлова с семьей подвергалась частым наказаниям, в чем их владелец раскаялся, когда об этом стало известно военному губернатору. Однако дело все же было оставлено без дальнейших последствий, а помещику был сделан строгий выговор с внушением «о непозволительности чрезмерного взыскания с состоящих в услужении людей», и взята подписка воздерживаться от нанесения побоев «под опасением наказания по законам» (1855 г.) [8, л.2 об.]. В аналогичном случае по жалобе дворового мальчика на помещика села Тохтала Чистопольского уезда Михаила Ва-

сильевича Шарыгина, уездный предводитель Анатолий Иванович Нератов не нашел доказательства «вредного и жестокого обращения с крестьянами» [11, л.2, 8 об.], но, зная характер его супруги, допускал грубость и нетерпеливость, в связи с чем решил подобное отношение «искоренить своими личными внушениями» (1858 г.) [11, л.9].

Если помещик находился на государственной должности, то жалобу крепостных губернатор мог направить в ведомство по месту службы дворянина. Предполагалось, что начальство должно морально воздействовать на своего подчиненного. Так, сотрудник VI округа путей сообщения и публичных зданий штабс-капитан Алексей Николаевич Еремеев был вынужден подготовить объяснительную записку своему начальнику относительно жалобы дворовых девок Прасковьи Евтихеевой и Варвары Савельевой [2, л.1–1 об.]. Еремеев пояснил, что принесенная жалоба несправедлива, и впредь держать этих девушек при себе он считает опасным [2, л.3]. Между тем чиновник признался, что Евтихеева действительно была «краза три или четыре легко ударена в лицо», и один раз Савельева – за закупку провизии по невыгодным ценам [2, л.6–6 об.]. И Еремеев объяснял свои действия тем, что Евтихееву оставлять безнаказанной нельзя, так как «эта девушка в обидах на господ выйдет из всякого повиновения». О принятом решении в отношении жалобы ничего неизвестно (1858 г.) [2, л.7]

Не надеясь на наказание душевладельцев, крепостные совершали побег, и только потом, будучи пойманными, на допросе в полиции раскрывали мотивы, побудившие уйти от господ. Так, летом 1853 г. в Свяжском земском суде рассматривалось дело по иску помещика Никиты Евдокимова о неповиновении и самовольных отлучках его крепостной Марфы Николаевой. Свой уход из поместья девушка объяснила тем, что барин склонял ее к сожительству и, воспользовавшись отсутствием своей жены, изнасиловал крестьянку, пригрозив тем, что заперет до смерти. О напряженных отношениях свидетельствовали и показания управляющего именем, со слов которого, крестьяне часто обнаруживали неповиновение и своеволие. Сам Евдокимов в дворянских кругах имел безупречную репутацию – по заверению свяжского уездного предводителя дворянства, «...помещик Евдокимов поведения и нравственности хорошей и прежде не был никогда замечаем ни в каких предосудительных поступках» [7, л.9]. Взяв во внимание это обстоятельство и отсутствие улик виновности дворянина в посягательстве на честь крепостной, – следов насилия и пятен на рубахе крепостной не было, а «возраст позволял противоборствовать Евдокимову и она могла призвать на помощь криком», – суд признал Николаеву виновной [7, л.4 об.]. Девушку приговорили к 30 ударам розгами и взяли подписку о повиновении своим господам [7, л.10].

Указанная выше причина побега довольно часто фигурировала в жалобах крестьянок. Так, дворовая госпожи Антипьевой Татьяна Зайчикова бежала к своему отцу в г. Симбирск. После задержания полицией девушка объяснила свой побег насилием в барском доме. Со слов крепостной, дво-

рянка Антипьева избивала ее из ревности к своему супругу [5, л.5]. Другая крестьянка, Марина Артемьева, в 1857 г. обратилась в полицию, обвинив своего владельца Николая Александровича Берстеля в растлении ее 10-летней дочери. По свидетельству женщины, впервые помещик совершил преступление в сентябре, взяв ее ребенка с собой в лес для собирания грибов. Тогда, по словам крестьянки, Берстель пригрозил девочке наказанием розгами, если та будет кричать и потом расскажет о случившемся. Перед возвращением в усадьбу, он велел ей смыть следы крови в ближайшем болоте. Затем, как следует из показаний Артемьевой, дворянин выдал ей билет на заработки в городе сроком на 5 месяцев, а малолетняя на всю зиму осталась в помещичьем доме, где надругательства над ней продолжались [9, л.2–7]. Однако дело в связи с отсутствием свидетельских показаний и каких-либо улик не было передано в уголовный суд [9, л.8–9].

При доказанном жестоком обращении с крепостными имение помещика, согласно действовавшему законодательству, могло быть взято под опеку. Однако таких примеров почти не было. Отметим, что в 1828 г. сенатор И.С. Горголи, по результатам проведенной ревизии присутственных мест Пензенской губернии, заключил: «Члены дворянских опеки в своей деятельности чаще всего ограничивались подготовкой распоряжений о передаче имений опекунам и отчетности для гражданских палат» [15, с.54]. Так, весной 1852 г. крепостные из имения в д.Сабуровке Спасского уезда, принадлежавшего бывшему елабужскому становому приставу, отставному коллежскому регистратору Павлу Федоровичу Салькову, обратились к гражданскому губернатору с жалобой на своего владельца и его супруги [6, л.13]. Показания крестьян подкреплялись свидетельствами управляющего химическим заводом елабужского купца Ушкова Андрея Кусакина, подтвердившего факт избивания и наказания крепостных розгами. Как выяснилось, крестьяне, с согласия Салькова, трудились на заводе, а наказанию подверглись за самовольную отлучку в Казань, другие случаи истязаний не нашли подтверждения. Поскольку Сальков не был записан в родословную книгу дворянства Казанской губернии, а на момент рассмотрения дела имение уже было продано другому человеку, то опеку установить не представлялось возможным [6, л.21 об.–22]. Впоследствии крепостные подавали жалобы на притеснение и разорение новым владельцем – капитаном Рожественским, который, по-видимому, запретил им работать на заводе [6, л.8 об.].

В нашем распоряжении имеются дела, свидетельствующие о том, что под опеку попадали те поместья, владельцы которых вели расточительный и нетрезвый образ жизни, а жалобы крепостных служили поводом к изучению состояния дел в имении. Так, в 1846 г. крепостной Федор Евсевьев пожаловался на жестокое обращение господина Евграфа Васильевича Щурова с крестьянами. По запросу казанского военного губернатора И.А. Боратынского, спасский уездный предводитель дворянства полковник Орест Молоствов характеризовал Щурова как помещика, ведущего

непозволительный для дворянина образ жизни, среди его поступков – связь с солдаткой Урнаевой, распитие спиртного и буйное поведение. Жалоба крепостного поступила буквально через несколько месяцев после выхода Щурова из-под опекунского управления, с достижением совершеннолетия к нему был назначен попечитель, но этого оказалось недостаточно для поддержания порядка в имении. Поэтому Молоствов рекомендовал запретить солдатке въезд в усадьбу, самому дворянину предложить военную или государственную службу, а над имением 18-летнего помещика, которое уже находилось под управлением попечителя, установить полицейский надзор [2, л.10–11].

Расточительность владельца стала причиной передачи под опеку еще одного поместья. Так, Михаилу Дмитриевичу Палицыну в сельце Якимень-Маматово Лаишевского уезда принадлежало 30 душ крестьян и 877 десятин земли [12, с.422], но, выйдя в отставку и переехав в деревню, он погрузился в нетрезвую и расточительную жизнь. Нерачительное ведение хозяйства, при котором крепостные терпели материальные и бытовые лишения, обсуждалось в Казанском дворянском депутатском собрании в 1846 г. Тогда было принято решение передать имение дворянина под опеку его родной сестры Елизаветы Дмитриевны, управлявшей делами в течение 12 лет [10, л.3].

Указом Правительствующего сената от 13 июня 1858 г. под опеку было взято принадлежавшее князю Александру Александровичу Порюс-Визапурскому поместье в селе Саконы Лаишевского уезда. Дворянин проживал в Пермской губернии, где в своей усадьбе создал гарем из крестьянок, а его крепостные, осыпанные белой пудрой и облаченные в античные тоги, изображали античных богов и героев [17, с.144].

Из приведенных примеров мы видим, что жестокое обращение с крестьянами, если оно не принимало крайних форм, рассматривалось как внутрисловное дело местного дворянства. Поэтому расследование проводил предводитель дворянства, причем негласно. В случае подтверждения притеснения крестьян со стороны помещика, дворянское депутатское собрание могло вынести решение о взятии его имения под опеку, но обычно все ограничивалось устным внушением через уездного предводителя. Самим крестьянам было затруднительно подать жалобу, поскольку они не могли покинуть усадьбу или деревню без разрешения, а доказательства дурного обращения имелись не всегда. Поэтому, судя по снисходительному отношению властей к таким случаям, наказания крестьян являлись нормой того времени, если они не отличались особым садизмом. В Казанской губернии дела о жестоком обращении и превышении помещичьей власти в отношении крепостных даже при доказательствах вины помещика не доводились до уголовного преследования.

Источники и литература

1. Вульфсон Г.Н. Жаждали воли (к 125-летию Безденного восстания). Казань: Титкнигоиздат, 1986. 189 с.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.1. Оп.1. Д.1489.
3. ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.124.
4. ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.534.
5. ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.595.
6. ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.856.
7. ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.959.
8. ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.1160.
9. ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.1384.
10. ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.1492.
11. ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.1493.
12. Казанское дворянство. 1785–1917 гг. Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова. Казань: Гасыр, 2001. 639 с.
13. Киященко А.А. Эволюция восприятия жестокого обращения с крепостными крестьянами сквозь призму представлений о дворянской чести конца XVIII – первой половины XIX вв. // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2019. № 5(56). [Электронный ресурс] URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/7329> (дата обращения: 05.07.2022).
14. *Маррезе М.Л.* Бабые царство [Дворянки и владение имуществом в России, 1700–1861]. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 368 с.
15. *Першин С.В., Першина Т.А, Мкоян С.К.* Опека над дворянскими поместьями в Пензенской губернии в первой половине XIX в. // Опыт экономического развития. 2016. №3(34). С.53–62.
16. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков: учебное изд.: части 1, 2, 3 / Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Саратов: Саратовская гос. Акад. Права, 2005: [Электронный ресурс] URL: <https://drakon-pravo.ru/pravda/t-2/1845/t09g04> (дата обращения: 05.07.2022).
17. *Шокарев С.* Тайны российской аристократии. М.: ОлмаМедиаГрупп/ Просвещение, 2007. 432 с.
18. *Энгельман И.Е.* История крепостного права в России: Пер. с нем. / И. Энгельман; пер. с нем. В. Щерба; под ред. А. Кизветтера. М.: Изд. С. Скимунта, 1900. 442 с.

Social Behavior of Landlords in Relation to Serfs in the 1830s–1850s (on the example of the Kazan Province)

Ye.V. Mironova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the social behavior of the nobles of Kazan province in the 1830s–1850s towards peasants and householders. The author examines the complaints of serfs against their owners, the procedure for investigating such cases

and the decisions taken on them. The article shows the role of district leaders of the nobility in resolving conflict situations that arose between the landowner and the serfs. In addition, such a method of punishing those who abused the landowner's power as the transfer of the estate under guardianship has been studied. Examples of the condescending attitude of individual representatives of the authorities to the oppression of serfs are analyzed.

Keywords: Kazan province, 19th century, abuse of landlord power, serfs, household people, Kazan military governor, county leader of the nobility, guardianship.

For citation: Mironova Ye.V. Social Behavior of Landlords in Relation to Serfs in the 1830s–1850s (on the example of the Kazan Province). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 3, pp. 62–68. (In Russian)

Информация об авторе:

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Mironova Yelena Valeryevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).